

ПО ТУ СТОРОНУ СОЗНАНИЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
НЕКЛАССИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ



СПб.: Лань, 2004.

Александр Асмолов

**По ту сторону сознания:
методологические проблемы
неклассической психологии**

НПФ «Смысл»

2002

Асмолов А. Г.

По ту сторону сознания: методологические проблемы
неклассической психологии / А. Г. Асмолов — НПФ «Смысл»,
2002

Учебное пособие, обобщающее 25 лет научной работы автора, посвящено неклассической методологии анализа реальности бессознательного, деятельности, психических процессов, личности и невербальной коммуникации. Адресуется психологам, философам, всем тем, кого интересует методология познания истории, общества и человека.

© Асмолов А. Г., 2002

© НПФ «Смысл», 2002

Содержание

Неизбежность метапсихологии, или введение в культуры мышления	5
Раздел I	11
Является ли установка стабилизатором деятельности? (вместо предисловия)	11
Глава I. Проблема соотношения деятельности и установки в отечественной психологии	15
Постановка задачи преодоления «постулата непосредственности»	15
В поисках «опосредующего» звена	18
Некоторые парадоксы проблемы первичной установки	21
Онтологический статус первичной установки	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Григорьевич Асмолов

По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии

*«Из густо отработавших кино,
Выходят толпы. До чего они венозны,
И до чего им нужен кислород.»*

Осип Мандельштам

Неизбежность метапсихологии, или введение в культуры мышления

С момента первого издания в 1979 году монографии «Деятельность и установка», открывающей эту книгу, в мире произошли разительные изменения. Страну, казавшуюся ее жителям столь же вечной и неизменной, как некогда казалась жителям Рима великая Римская империя, постигла судьба мифической Атлантиды. Историческая поверхность планеты разверзлась и Советский Союз, драматически лишая осмысленности жизнь старшего поколения и предоставляя шанс найти смысл жизни новому поколению, погрузился в океан времени. Не по учебникам истории, а на своих судьбах мы почувствовали и продолжаем чувствовать тяжелую точность недоброго пожелания: «Чтоб ты жил в эпоху перемен».

В эпоху перемен рушатся одни идолы, уступая место другим, и приходят в столкновение разные идеалы мышления.

В эпоху перемен по каким-то неизвестным небесно-историческим правилам решается вопрос, какие культуры, имена и идеи сотрутся из памяти и окажутся лишь быстротечной модой, а какие приподнимутся над конкретным временем и поселятся, говоря словами мастера методологии гуманитарного познания мира Михаила Михайловича Бахтина, в «большом времени», в том времени, где живут Аристотель и Шекспир, Бах и Спиноза, Эйнштейн и Ньютон, Маркс и Достоевский, Чайковский и Фрейд, Выготский и Моцарт, Узнадзе и Бергсон. ... Так в эпоху перемен выясняется, над КЕМ и над ЧЕМ перемены не властны.

Человек, над которым перемены не властны, основатель культурно-исторической психологии Лев Семенович Выготский однажды заметил, что строение человеческой личности, как и геологическое строение Земли, обладает пластами разной древности. Во время землетрясения геологические породы обнажаются и глазу открываются ранее скрытые слои истории разной древности.

Нечто подобное происходит в эпоху перемен и с обыденной психологией, и с классической академической психологией. На наших глазах в сознании и в бессознательном у жителей СССР, ставшего Россией, обнажились пласты разной древности. Мы одновременно существуем в таком обширном потоке изменений, что об арифметически простом «раздвоении» личности, «раздвоении» культур, «раздвоении» политических систем, «раздвоении» социальных, гуманитарных и даже естественных наук говорить не приходится. И в этой ситуации геополитического сдвига эпох мысль о том, что *существует много психологий, но не существует единой психологии, столь часто повторяемая психологами, приобретает особый смысл. Она перестает быть диагнозом незрелости нашей науки, а становится спокойной констатацией реального положения дел.*

Пришла пора прозреть: *психологий действительно много*. Психологий не меньше, чем культур и исторических эпох, которые проживают отдельные личности и целые народы. И эти разные психологии произрастают из разных стилей мышления и разных вкусов. И к этим разным психологиям как к явлениям разных культур и нормальным проявлениям разных научных школ мышления вполне приложимы слова убитого тоталитарным режимом и ставшего бессмертным поэта Осипа Эмильевича Мандельштама, сказанные о литературных школах: «Литературные школы живут не идеями, а вкусами: принести за собой ворох новых идей, но не принести новых вкусов, значит не сделать новой школы... Благодаря тому, что в России в начале столетия возник новый вкус, такие громады, как Рабле, Шекспир, Расин снялись с места и двинулись к нам в гости». (*Мандельштам О.* Слово и культура, 1987, с.66–67).

И существование разных вкусов и разных психологий в эпоху перемен только заостряют стоящий перед каждым психологом вопрос о свободном выборе среди разных психологий психологии, близкой ему по духу, пониманию мира и, наконец, по любви к людям, эту психологию творившим. Этот вопрос – особый знак поиска и обретения «*точки опоры*» в избранной психологом личной жизни и профессии.

Вопрос о «*точке опоры*», о выборе изобретаемых в истории человечества культурах мышления и способах организации человеком своей жизни, как об этом рассказывал философ, по праву именуемый философом, Мераб Мамардашвили, представляет собой мета-вопрос, вопрос метафизики в ее современном понимании. Способность решать «метафизические вопросы», искать «*точку опоры*», прежде всего, предполагает необходимую во все эпохи, и особо востребованную в эпоху перемен возможность «...выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, идеологией или социальным движением. *Это и есть так называемые личностные основания* (выделено мной. – А.А.). А если их нет, как это случилось в XX веке? Как вы знаете, одна из драматических историй (в смысле наглядно видимого разрушения нравственности и распада человека, распада человеческой личности) – это ситуация, когда по одну сторону стола сидит коммунист, а по другую, тот, кто его допрашивает – тоже коммунист. То есть представители одного и того же дела, одной и той же идеологии, одних и тех же ценностей, одной и той же нравственности. И если у того, кого допрашивают, нет независимой позиции – в смысле невыразимой в терминах конкретной морали, то ... положение ужасно. Можно выдержать физические мучения, а вот человеческий распад – неминуем, если ты целиком находишься внутри идеологии, и ее представляет твой же палач или следователь.

– Но он может считать, что заблуждается?

– Ну, вот это заблуждение как раз и разрушает личность. Потому что когда ты слышишь свои же собственные слова из других уст, которым не веришь и которые являются причиной совершенно непонятных для тебя фантазмагорических событий, то и стать некуда. Нет точки опоры вне этого. *А метафизика предполагает такую точку* (выделено мной. – А.А.). И в этом смысле она – залог и условие не-распада личности. Конкретная история лагерей в разных странах показала, какую духовную стойкость проявляли люди, имеющие точку опоры (те, кто были «ходячие метафизики», скажем так). Тем самым я хочу сказать, что метафизика всегда имеет будущее» (*Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. Введение в философию, 1996, с.114).

Я решился привести столь обширный фрагмент из этой книги Мераба Мамардашвили не только потому, что он трагично передает необходимость постановки метафизических вопросов и раскрывает лежащее в основании этой книги понимание *метапсихологии*. Психологу нечего прятаться от своих личностных смыслов. И поэтому я считаю нужным сказать, что именно благодаря Мерабу Константиновичу Мамардашвили, которого в самом начале семидесятых годов один из лидеров современной психологии декан факультета психологии МГУ Алексей Николаевич Леонтьев, пригласил читать курс «Методологические проблемы психологии» в МГУ,

немало психологов моего поколения ощутили «необходимость себя». Этот поступок А.Н.Леонтьева, говорю об этом без преувеличения, во многом определил и мою собственную судьбу. Лицом к лицу лица не увидеть. И вряд ли в те годы я с достаточной полнотой понимал, что встреча с философом Мерабом Мамардашвили помогла некоторым из нас стать психологами, почувствовать пьянящее, вполне неклассическое и нерациональное чувство свободы мышления. Чувство, дающее точку опоры и побудившее среди многих психологий избрать психологию, принесшие культуру неклассического релятивистского независимого понимания множественности мира.

Великое видится на расстоянии. В социальной биографии науки, как и в собственной личной биографии, порой срабатывает эффект обратной перспективы: чем дальше отодвигается во времени событие, тем более отчетливо, объемно проступают значение и личностный смысл этого события.

К числу событий, которое без оговорок можно назвать историческим для судеб психологии, относятся рождение двух близких по духу культур мышления в двадцатых годах XX века, прорвавшихся по ту сторону сознания и ограничивающего мысль прошлых столетий *классического идеала рациональности* (М.К.Мамардашвили) – культур мышления Л.С.Выготского и Д.Н.Узнадзе. Попыткой приоткрыть значение этих событий является предлагаемая вниманию читателей книга «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии». Само название этой книги явно отсылает читателя к жанру метапсихологии и перекликается с такими вошедшими в золотой фонд человеческой культуры трудами, как труды Ф.Ницше «По ту сторону добра и зла», З.Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия», Б.Скиннера «По ту сторону свободы и достоинства». Лейтмотивом, проходящим через всю эту книгу, являются идеи М.К.Мамардашвили о соотношении классического и неклассического идеала рациональности в философии и научном познании мира.

В этой книге представлены как бы три витка общения сознаний школ Л.С.Выготского и Д.Н.Узнадзе, три взаимопроникающих пласта мышления. Метками этих трех пластов выступают как бы три фокуса внимания: психология установки, психология деятельности и как нерациональным объять рациональное. Названия этих разделов являются символическими и условными по многим обстоятельствам.

Они условны, прежде всего потому, что и Д.Н.Узнадзе, и Л.С.Выготский, и А.Н.Леонтьев, и яркий исследователь, без которого немыслима «Психология деятельности» – Сергей Леонидович Рубинштейн, не идентифицировали себя только как авторов и представителей отдельных школ и теорий. Они всегда выступали как носители общей психологии, методологии психологии, а тем самым, обладали вполне обоснованной претензией на то, что их идеи и методы анализа покрывают все поле психологической науки. К примеру, А.Н.Леонтьев практически не характеризовал свое направление как «общепсихологическая теория деятельности», «деятельностный подход в психологии», или, тем паче, не именовал его «психологией деятельности». Да и метаморфозы культурно-исторической психологии и так называемой «психологии деятельности» в значительной степени напоминают метаморфозы превращения гусеницы в бабочку, в которых присутствуют и разные жизни, и разные обличья одного существа. Что же касается Д.Н.Узнадзе, то и его гений творил именно общую психологию, инструментом конструирования которой служили представления об установке. И, тем не менее, я считаю разумным уплатить дань устоявшейся традиции и, что не менее важно, обыденному сознанию профессиональных психологов, облегчающему узнаваемость людей, идей и событий. Этой данью и стали два смысловых центра книги – психология установки и психология деятельности.

Второе обстоятельство, заставляющее акцентировать внимание на условности устоявшихся характеристик двух различных направлений психологии – «психология установки» и «психология деятельности» – имеет более глубинное основание. Оно приоткрывается тогда,

когда происходит переход от психологии – к метапсихологии, к тому, что (в буквальном значении приставки «мета») стоит «за» психологией.

Чтобы понять психологию школы Д.Н.Узнадзе, необходимо постичь мета-психологию психологии установки, открыть то, что стоит «за» ней, погрузиться в ту культуру мышления, из которой школа Д.Н.Узнадзе произрастает. Вряд ли бы школа психологии установки столь органично вписалась в историю ведущих психологических школ XX века, если бы «за» психологией установки не проступали как ее исходные основания учение о монадах Готфрида Лейбница и «философия жизни», идеи о «жизненном порыве» как источнике творческой эволюции неутомимого французского философа Анри Бергсона. Д.Н.Узнадзе не раз писал и о том, что «душа проникла всюду». За этими словами угадывается связь мировоззрения Д.Н.Узнадзе с философской культурой Бенедикта Спинозы. С философией Спинозы Д.Н.Узнадзе роднит мысль *о человеке как причине самого себя*, то есть идея о человеке как самопричинном и, тем самым, свободном существе. Эта мысль достигает своего апогея в таком парадоксальном и убийственном для традиционных подходов к пониманию причинности в философии тезисе школы Д.Н.Узнадзе, как положение о том, что *человек приходит в свое настоящее не прямо из прошлого, а конструирует свое настоящее, как претворение эскиза будущих действий*, как воплощение установок, то есть готовностей к будущим действиям.

Любым ученым, которые рисковали говорить о роли будущего в целенаправленном поведении живых систем, был уготовлен костер. Их обзывали еретиками, мистиками и теологами. Но именно они, и среди них Дмитрий Николаевич Узнадзе, открыли путь в страну неклассического мышления, в мир неклассической психологии, в такую теорию относительности человеческих сознаний и бессознательного, которая подстать теории относительности Эйнштейна.

Теория установки по своей мировоззренческо-ценностной функции и в психологии, и в культуре изначально представляла протест против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира существа и марионетки. Мераб Мамардашвили не раз замечал, что для понимания культуры мышления того или иного философа необходимо восстановить ту ЗАДАЧУ, РАДИ которой воздвигаются мировоззрения, системы, теории. Иначе мыслитель будет укоризненно смотреть на нас из прошлого и повторять: «Простите, я не о том говорил». «Задачей» Д.Н.Узнадзе было порождение и исследование «человека свободного» как активного творца биосферы. Отсюда метапсихологии Д.Н.Узнадзе с самого начала присущи системно-исторический подход к человеку, положения о целевой детерминации жизнедеятельности и самодетерминации посредством функциональных тенденций поведения личности. Идеи Узнадзе, его вдохновенная *критика экспериментального рационального разума* помогли создать неповторимый Мир Дмитрия Узнадзе, в котором люди владеют не только прошлым и настоящим, но и будущим.

Когда проникаешь «за» психологию установки в метапсихологию, то открывается возможность диалога между «психологией установки» и «психологией деятельности». И Д.Н.Узнадзе, и Л.С.Выготский (иногда явно, иногда косвенно) включились в еще не осмысленный с достаточной полнотой поединок за культуру неклассического мышления, поединок, до сих пор совершающийся между Спинозой и Декартом. В этом поединке сторону Спинозы решительно занимает Л.С.Выготский. В своей работе «Учение об эмоциях: историко-психологическое исследование»¹, написанной незадолго до смерти, Л.С.Выготский характеризует философию Спинозы как *одну из величайших революций духа, катастрофический переворот в прежней системе мышления*. Именно этот переворот в прежней системе мышления стал исходной точкой кристаллизации классической рациональной культуры мышления, изобретенной Рене Декартом, и неклассической релятивистской культуры мышления, изобретателем которой

¹ В одном из вариантов эта рукопись, датируемая 1931–33 гг, носила название «Спиноза», в другом – «Учение Декарта и Спинозы о страстях...».

был Бенедикт Спиноза. Дело будущих историков психологии проследить «линию Декарта» (из культуры мышления которого выросли и продолжают расти учение о рефлексах И.М.Сеченова и И.П.Павлова, бихевиоризм Дж. Уотсона, когнитивная психология и многие другие направления классической объяснительной психологии) и «линию Спинозы» (культура которого проступает за описательной психологией В. Дильтея, интенциональной психологией Ф.Бrentано, учением о преднамеренной деятельности и теорией поля К.Левина, экзистенциальной психологией В.Франкла и другими направлениями неклассического релятивистского мышления). В этом ряду – и «психология установки», и «психология деятельности».

Порой казусы, случайности, неожиданные жизненные эпизоды, подобно «ошибкам» и «оговоркам» в психоанализе, позволяют уловить близость казавшихся ранее несовместимых концепций. Так, как-то А.Н.Леонтьев, с некоторым удивлением и весьма понятным для семидесятых годов опасением, поделился со мной содержанием письма от одного из известных западногерманских философов, полученного им после выхода в свет на немецком языке монографии «Деятельность. Сознание. Личность.» Западногерманский ученый в восторженных тонах писал, что он воспринимает идеи этой монографии как яркое продолжение традиций интенциональной психологии Франца Brentано и поздней «феноменологии» – «феноменологии жизненного мира» одного из самых загадочных философов XX века Эдмунда Гуссерля. И сегодня, когда проживаешь логику последних исследований А.Н.Леонтьева о «полях значений» и «образе мира», подобное восприятие метапсихологии, стоящей за монографией «Деятельность. Сознание. Личность.», вовсе не кажется заблуждением познакомившегося с идеями А.Н.Леонтьева западногерманского философа.

Из песни слова не выкинешь. И поэтому, рассказывая о метапсихологии «психологии деятельности», исторически неверно и этически постыдно не сказать о философии Карла Маркса, в идеологической упаковке которой «психология деятельности» прожила многие годы в Советском Союзе.

Чтобы выразить свое отношение к этой философии, вновь приведу еще один жизненный эпизод, на этот раз уже из своей биографии. Недавно во время беседы с одним английским экономистом я услышал следующий вопрос: «Почему в России с такой яростью критикуют Маркса? Его исследования достаточно полемичны и глубоки». Действительно, почему в России те, кто вчера выплясывал ритуальные танцы поклонения марксизму, ныне закружились вокруг марксизма в неистовой каннибальской пляске? Причина подобных перевертышей банальна и поэтому верна: «Марксизм был религией». А раз один государственный бог умер, то да здравствует другой бог, или, по лучшим языческим канонам, другие боги. Не пора ли очнуться и, как английский экономист, с невозмутимостью отнестись к той культуре мышления, которая без сомнения связана с философией Маркса, и с разработкой в контексте этой философии категории «предметной деятельности». Маркс настолько же виновен в том, что его возвели в сан бога Ленин и Сталин, как Фридрих Ницше повинен в том, что его именем божился Гитлер. Поэтому я испытываю боль и горечь, когда в философии и психологии третируют «психологию деятельности» и, прежде всего, Сергея Леонидовича Рубинштейна и Алексея Николаевича Леонтьева за то, что они развивали психологию в СССР, окрестив ее знаменем марксистской психологии. Куда ближе мне позиция М.К.Мамардашвили, который в самом начале семидесятых годов с невозмутимостью и уравновешенным гражданским героизмом повествовал изумленным студентам о том, что при анализе сознания и бессознательного такие исследователи (исследователи, а не небожители!), как Карл Маркс и Зигмунд Фрейд разными способами искали пути решения одной задачи – задачи происхождения сознания, искали путь «по ту сторону сознания».

Несмотря на то, что любые прогнозы, а тем более пророчества, дело неблагодарное и опасное, в заключение рискну сказать, что у XXI века существует шанс войти в историю и методологию науки под именем века «неклассической рациональности». На наших гла-

захватывающая и яркая сравнительная характеристика классического и неклассического идеалов рациональности, выстраданная жизнью Мераба Константиновича Мамардашвили, становится духом нашего времени и символом неклассического мышления. Обученные Мамардашвили, мы узнаем близких по стилю мышления ему людей в исследованиях Гастона Башляра «Новый рационализм» (2000), страстных критических атаках на рациональные реконструкции науки Пола Фейерабенда (см. его книгу «Против методологического принуждения. Очерк анархической теории познания», 1998) и ряда других методологов науки.

Мы осваиваем новые школы, новые вкусы, новые культуры мышления.

Мы живем в пространствах многих психологий, без страха воспринимая полифонию этой жизни как норму, а не патологию. И в этих пространствах, как в любых ситуациях выбора, нас подстерегает самая опустошающая опасность – опасность остаться никем, утратить «необходимость себя» и как личности, и как профессиональных психологов. Необходимо осознать, что можно выбирать разные психологии и стоящие за ними культуры. Можно избрать культуру психоанализа, гуманистической психологии, когнитивной психологии, бихевиоризма, гештальтпсихологии и т. п. Можно, увы, избрать и индустрию массовой культуры, в которой спешащая за модой психология редуцируется в «массовый товар», становится обезличенной, стереотипной, стандартной и действует по конформистской формуле самодовольного практицизма «чего изволите». Избрав индустрию стандартизированной массовой культуры и вырастающую из нее «товарную психологию», психолог, говоря словами Эриха Фромма, может быть и сумеет «обладать многим», но вряд ли сможет «быть многим». Он совершит выбор в пользу «иметь», а не «быть».

Книга «По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии» – книга для тех, кто ищет «точку опоры». Соавторами ряда глав этой книги являются Блюма Вульфовна Зейгарник, Марта Борисовна Михалевская, Любовь Семеновна Цветкова, Борис Сергеевич Братусь, Вадим Артурович Петровский, Евгений Васильевич Субботский, Адольф Ульянович Хараш, Евгения Иосифовна Фейгенберг, Аида Меликовна Айламазян, Татьяна Юрьевна Марилова, Сергей Николаевич Ениколопов, Владимир Николаевич Иванченко. Надежным соратником, соавтором и преданным спутником любых поисков, описанных в этой книге, всегда была и остается Евгения Фейгенберг. Ценными советами при подготовке издания этой книги со мной безвозмездно делился мой друг и ученик Дмитрий Алексеевич Леонтьев.

Уверен, что все мои коллеги, принадлежащие к «Кругу Выготского, Леонтьева и Лурия» и к «Кругу Узнадзе», и прежде всего внесшие весомую лепту в становление автора книги ее соавторы, были бы счастливы, если бы психологи новых поколений обрели «точку опоры» в культурах, возвращающих конкретную психологию свободного человека, в культурах, стремящихся «быть», а не «иметь», в культурах достоинства, а не культурах полезности.

Раздел I

Психология установки

Деятельность и установка²

Памяти моего учителя Алексея Николаевича ЛЕОНТЬЕВА

Является ли установка стабилизатором деятельности? (вместо предисловия)

Есть теории, внутренняя логика развития которых приводит как к постановке ранее неизвестных проблем, так и к рождению нового взгляда на традиционные вопросы той или иной области научного знания. К числу таких теорий относится общепсихологическая теория деятельности. Контуры этой теории были намечены в исследованиях Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии в те дни, когда молодая советская психология, пройдя между Сциллой психологии сознания и Харибдой бихевиоризма, встала на путь самостоятельного развития. С тех пор прошло немало лет. Чем дальше развивалась теория деятельности, тем большее число различных психологических проблем – таких, как проблемы строения деятельности, взаимоотношения между психическим отражением и деятельностью, возникновения и развития психики, структуры сознания, становления личности и т. д. – находили в ней свое отражение. Для теории деятельности нет чужих проблем, так как ее последовательное развертывание приводит к постановке вопросов, охватывающих важнейшие достижения научной психологии. Одним из таких до сих пор не исследованных вопросов является вопрос о факторах, придающих предметной деятельности устойчивый характер, о стабилизаторах деятельности. Этот вопрос встает в ходе психологического анализа деятельности, как только мы переходим от статического рассмотрения деятельности к изучению ее динамики и пытаемся понять причины относительной устойчивости, стабильности деятельности в непрерывно изменяющейся среде. Предположение о существовании моментов, стабилизирующих движение деятельности, вытекает из представлений о природе движения. Если рассматривать движение предметной деятельности как одну из форм движения вообще, то вполне естественно допустить, что в нем, как и в любом движении, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности. Стабилизаторы деятельности и находят свое выражение в тенденции к сохранению направленности движения, в своеобразной инерции деятельности. Без них деятельность не могла бы существовать как самостоятельная система, способная сохранять устойчивое направленное движение. Она была бы подобна флюгеру и каждое мгновение изменяла бы свою направленность под влиянием любых воздействий, обрушивающихся на субъекта. Обычно стабилизаторы деятельности не проявляют никаких признаков существования до тех пор, пока движение не встречает на своем пути те или иные препятствия. Но стоит какому-либо препятствию появиться на пути деятельности, и тенденция к сохранению движения в определенном направлении тотчас даст о себе знать. Различные по природе проявления этой тенденции встречаются буквально на каждом шагу. Приведем некоторые из них. Бегун, столкнувшийся в ходе состязаний с неожиданным препятствием, при попытке остановиться падает или резко наклоняется вперед. Человек, читающий набранный латинским шрифтом текст, прочитывает слово «чепуха» как «реникса». Легендарный царь Крез, одерживающий одну победу за другой, воспринимает двусмысленное высказы-

² Впервые опубликовано в 1979 г.

вание дельфийского оракула «если будет перейдена река Галис, то рухнет могучее царство» соответственно своим ожиданиям и нападает на персов. Его войска переходят реку, и могучее царство действительно гибнет, только им оказывается... царство самого Креза. Один из крупнейших физиков прошлого столетия Э.Мах так и не принимает до конца своей жизни теорию относительности А.Эйнштейна, резко противоречащую усвоенным им представлениям о времени и пространстве. Чеховский герой, оберегая свой душевный покой, словно отталкивает от себя представление о существовании пятен на солнце, заявляя, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Из всех этих примеров явственно следует, что тенденция к сохранению движения в определенном направлении присуща самым различным формам движения и имеет две стороны. С одной стороны, она является необходимым внутренним моментом процесса деятельности, обеспечивающим его стабильность. С другой стороны, тенденция к сохранению движения в определенном направлении проявляется в том, что субъект деятельности становится «слепым» по отношению к разнообразным воздействиям, не укладывающимся в русло этой тенденции. Подобного рода последствия существования тенденции к сохранению направленности движения в поведении человека с большой выразительностью были переданы выдающимся советским физиологом А.А.Ухтомским: «Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слушать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, то есть если наша деятельность и поведение направлены в другие стороны» (1973, с.254).

Итак, приведенные факты свидетельствуют о существовании тенденции к сохранению движения в определенном направлении на самых разных уровнях движения, в том числе и на уровне предметной деятельности. Однако между абстрактным положением, констатирующим наличие подобной тенденции в процессе деятельности, и конкретно-психологическим исследованием механизмов, обеспечивающих стабильность деятельности, лежит целая пропасть. Для того, чтобы через эту пропасть перебросить мост, следует рассмотреть, как представления о тенденции к сохранению направленности деятельности преломились в психологии, в каких фактах и понятиях проявления этой тенденции предстали перед исследователями.

В психологии наиболее адекватное и устоявшееся описание тенденции к движению в определенном направлении или готовности действовать определенным образом выражено в термине «установка» и его многочисленных аналогах. Является ли установка стабилизатором деятельности? Поможет ли рассмотрение установочных явлений в деятельности субъекта глубже понять природу самих этих явлений? Приведет ли исследование этих двух вопросов к взаимному обогащению таких центральных психологических категорий, как «деятельность» и «установка»? Анализ поставленных вопросов и составляет основное содержание этой небольшой монографии. Этот анализ предполагает обращение к тем разнородным феноменам и концепциям установки, которые существуют в экспериментальной психологии, и прежде всего к разрабатываемой в течение многих лет в советской психологии теории установки Д.Н.Узнадзе.

При решении вопросов о месте и функции установки в деятельности субъекта открываются два возможных пути исследования. Один путь – это путь подробного рассмотрения представлений о природе установки и ее роли в регуляции поведения, накопленных в истории экспериментальной психологии. Встав на него, мы сразу же обретаем под ногами твердую почву в виде хронологической оси, придерживаясь которой и последовательно отвечая на вопросы «что? когда? кто?» можно добраться из глубокой истории до современных представлений о природе установки. Но в данном случае при таком, казалось бы, надежном подходе возникают серьезные трудности, так как значение, вкладываемое различными исследователями в понятие «установка», очень широко варьирует по своему содержанию, и термин «установка», взятый сам по себе, не может служить надежным ориентиром при анализе истории проблемы установки. Для того чтобы показать эластичность и чрезмерную перегруженность понятия «установка», достаточно привести длинную вереницу терминов, нередко рассматриваемых

в качестве синонимов этого понятия и отражающих в концептуальном аппарате различных направлений многообразные проявления установки как состояния готовности к реагированию: установка (*Einstellung* или *set*), поза, ожидание, намерение, нервная установка, подготовительная установка, моторная установка, сенсорная установка, установка сознания (*Bewusstseinslage* или *conscious attitude*), predisposition, детерминирующая тенденция, целевая установка (*goal set*), заданная установка (*Aufgabe* или *task-set*), квазипотребность, информационная модель, вероятностное прогнозирование, антиципация, гипотеза, схема, валентность, вектор, функциональная фиксированность, доминанта, акцептор действия, ригидная установка, социальная установка (*attitude*), ценностная ориентация, черта, установка личности и т. д. Этот и без того внушительный ряд терминов, связываемых с проявлениями установки, продолжает расти, но обилие терминов не должно заслонить два противоположных полюса понимания природы установки, сложившихся в современной психологии. На одном полюсе – сведение установки к феноменам иллюзий, обусловленных фиксированной установкой. На другом полюсе – рассмотрение установки в качестве одного из центральных психологических понятий. Среди сторонников второго, расширенного понимания установки мы видим, например, некоторых социальных психологов, которые одно время определяли предмет своей науки как изучение социальных установок (см. об этом: *Allport G.*, 1935; *Ostrom*, 1968; *Rokeach*, 1968). Расширенного понимания установки придерживаются также исследователи, сближающие понятие установки с такими понятиями, как «образ потребного будущего» и «акцептор действия» (см., например, *Бжалава*, 1966, 1971), информационная модель (*Пушкин*, 1967), схема (*Moscovici*, 1962; *Fraisse*, 1961), гипотеза (*Bruner*, 1957), черта личности (*Allport G.*, 1935). Эти термины высвечивают разные стороны психической реальности, обозначаемой понятием «установка». Но в каком соотношении находятся фиксируемые этими терминами разные аспекты установочных явлений? Какая из двух полярных интерпретаций явления установки отвечает действительности? Эти вопросы представляют самостоятельную задачу исследования, решать которую можно только в том случае, если уже выработан свой взгляд на природу установочных явлений. Эта задача должна решаться не до решения проблемы о месте установки в структуре деятельности, а после такого решения. Тем не менее, именно с ней в первую очередь встречается исследователь, избравший исторический путь анализа. В связи с этим мы вынуждены отказаться от чисто исторического хода анализа проблемы о месте и функциях установочных явлений в деятельности субъекта.

Второй путь решения проблемы о месте и функции установки в деятельности субъекта – это путь анализа современного состояния представлений о явлении установки. Пойдя по этому пути, мы попытаемся с позиций теории деятельности проанализировать основные положения теории установки Д.Н.Узнадзе и через этот анализ прийти к разработке представлений о конкретных психологических механизмах тенденции к сохранению направленности движения деятельности. Этот путь и определил в конечном итоге общую композицию нашего исследования.

В первой главе с позиций общепсихологической теории деятельности ведется анализ проблемы соотношения деятельности и установки в советской психологии. Главное внимание уделяется вопросу о взаимоотношениях между деятельностью и первичной унитарной установкой, и исследуются различные варианты решения этого вопроса. Показываются те противоречия, которые возникают при рассмотрении проблемы установки «в себе», т. е. вне деятельности. Существование этих противоречий доказывает необходимость отказа на современном этапе развития психологии от изолированного вне-деятельностного изучения явлений установки. Эти противоречия и разработанные в школе Д.Н.Узнадзе представления об установке позволяют наметить то русло, по которому в теорию деятельности может быть введено опускавшееся пока звено – явления установки.

Во второй главе предлагается решение вопроса о месте и функции установки в деятельности субъекта. Будучи рассмотренными в контексте теории деятельности, известные факты проявления установки предстают в новом свете. Они приводят к разработке гипотезы об иерархической уровневой природе установки как механизма, стабилизирующего процессы деятельности. Согласно этой гипотезе, содержание и функции установок зависят от того, на каком уровне деятельности функционируют эти установки. В соответствии с основными структурными единицами, которые образуют психологическое строение деятельности, выделяются установки различных уровней и раскрываются их специфические особенности, а также анализируются отношения между этими установками и их вклад в регуляцию деятельности.

И, наконец, в третьей, заключительной главе предпринимается попытка, опираясь на представления об иерархической уровневой природе установки, дать систематизацию некоторых разрозненных фактов проявления установки, накопленных в ряде направлений зарубежной экспериментальной психологии.

Автор приносит глубокую благодарность своему учителю Алексею Николаевичу Леонтьеву, в постоянном общении с которым проводилось это исследование. Он искренне благодарен Александру Романовичу Лурия, в лаборатории которого была впервые изложена и нашла поддержку идея об уровневой природе установки, а также Ф.В.Бассину, А.В.Запорожцу, Ш.А.Надирашвили, А.Е.Шерозия и М.Б.Михалевской, каждый из которых оказал значительную помощь в ходе работы.

Глава I. Проблема соотношения деятельности и установки в отечественной психологии

Проблема соотношения деятельности и установки не раз вставала в отечественной психологии. И в этом нет ничего удивительного, так как в настоящее время теория деятельности и теория установки представляют собой наиболее четко выделившиеся и обладающие своим лицом направления, которые трудно спутать с любыми другими течениями отечественной психологии. Каждая из этих концепций, бесспорно, может являться предметом самостоятельного анализа, но нас в свете стоящей перед нами задачи исследования места установочных явлений в деятельности прежде всего интересует то, как в этих концепциях решается вопрос о взаимоотношениях между деятельностью и установкой. В решении этого вопроса существуют две прямо противоположные позиции. Представители школы Д.Н.Узнадзе в течение многих лет последовательно отстаивают идею о существовании первичной установки, предвещающей и определяющей развертывание любых форм психической активности (*Прангшивили*, 1967, 1972; *Чхартшвили*, 1971; *Надирашвили*, 1974; *Шерозия*, 1969, 1973 и др.). Исследователи, стоящие на позициях теории деятельности, не менее последовательно отстаивают альтернативную позицию, которая может быть лаконично передана формулой: «Вначале было дело» (*Леонтьев*, 1955, 1975; *Запорожец*, 1960; *Лурия*, 1945; *Эльконин*, 1957 и др.). В этой главе мы попытаемся с позиций теории деятельности во-первых, проанализировать разные варианты решения проблемы взаимоотношений между деятельностью и установкой и выявить причины, приводящие к противопоставлению деятельности и установки, во-вторых, на примере вопроса о связи поведения и установки показать последствия противопоставления деятельности и установки, с которыми сталкиваются представители школы Д.Н.Узнадзе, и, наконец, в-третьих, самое главное, – наметить путь решения задачи о месте установки в структуре деятельности.

Естественно, что подобный анализ требует рассмотрения некоторых основных положений теории установки выдающегося советского психолога Д.Н.Узнадзе, и в первую очередь понятия, выражающего стержневую идею этой теории – понятия первичной унитарной установки.

Постановка задачи преодоления «постулата непосредственности»

Без понимания той задачи, которая стояла перед Д.Н.Узнадзе, вряд ли удастся должным образом осознать стержневую идею теории установки. Если задача, ради разрешения которой родилась теория классика отечественной психологии Д.Н.Узнадзе, окажется близкой к той задаче, которую ставили перед собой создатели теории деятельности, то появится право сравнивать различные попытки ее решения и обнажится причина, приведшая к сорокалетнему противостоянию теорий установки и деятельности. Далее, если эта причина окажется устраимой, то откроется путь для сопоставления этих теорий, поиска точек соприкосновения и различий. Для того чтобы адекватно понять интересующее нас событие – появление задачи, ради разрешения которой была создана теория установки, – нужно восстановить исторический фон, выступивший в качестве условия этой задачи.

На заре экспериментальной психологии факт существования установки (готовности к действию) проявлялся в самых разных областях психической реальности, оставаясь неуловимым для исследователей. В психофизике и в исследованиях времени реакции он доставлял экспериментаторам массу хлопот, так как, будучи неким неконтролируемым фактором, искажал результаты измерений и порождал ошибки типа ошибок «ожидания» (изменения ответа

испытуемого, вызванного предвосхищением изменения ощущения) и «привыкания» (тенденции испытуемого реагировать на появление нового стимула тем же способом, которым он реагировал на предшествующее предъявление стимула), «личной» ошибки наблюдателя (ошибки запаздывания или упреждения при локализации движущегося объекта). В другой линии исследования – при изучении иллюзии веса и объемно-весовой иллюзии – понятия установки или ожидания привлекались для описания тех состояний испытуемого, которые как бы опережали проявление этих иллюзий.

В начале XX в. проблема установки стала разрабатываться в Вюрцбургской школе. Не останавливаясь здесь на подробном анализе представлений об установке в школе «безобразного мышления», обратим внимание лишь на ряд основных особенностей, которые характеризуют вюрцбургское понимание установки. Во-первых, в Вюрцбурге понятие установки прочно срослось с понятием активности. Активность же рассматривалась вюрцбуржцами в отвлечении от своего реального носителя, от субъекта. Отсюда и понимание различных психических процессов как суверенных образований. У Кюльпе мышление мыслило, у Титченера ощущение ощущало, а установка упрямо проявлялась и в восприятии и в мышлении, словно напоминая о необходимости целостного подхода к изучению психических явлений. Во-вторых, установка (детерминирующая тенденция) впервые получила свое функциональное определение как фактор, направляющий и организующий протекание психических процессов, т. е. была предпринята попытка указать те реальные функции, которые установка выполняет в психических процессах. Однако этими крайне важными для понимания проблемы установки моментами и ограничилась в основном разработка этой проблемы в Вюрцбургской школе. Понятие установки резко выпадало из строя понятий атомарной интроспективной психологии, внутренняя логика которой толкала психологов на поиски некоторой субстанции «установки» в психической реальности. Следуя традиционной психологии, вюрцбуржцы должны были бы найти и описать некий новый «атом», подобно тому, как они, ориентируясь на данные интроспективных отчетов, описывали ощущения, образы, чувства и т. д. Но испытуемые «отказывались» отнести установку к какому-либо из известных состояний сознания. Поэтому, например, К.Марбе, столкнувшись с проявлениями установки при исследовании суждения, вынужден был добросовестно перечислить все психические процессы, заверяя, что установка есть «нечто», что не может быть отнесено ни к одному из этих процессов. Собственно говоря, К.Марбе тем самым негативно определил установку и зафиксировал это определение в концептуальном аппарате, введя термин «установка сознания».

Таковы в самой краткой обрисовке некоторые исторические события, обусловившие возникновение «задачи» Д.Н.Узнадзе. Мы говорим *некоторые* события, потому что с не меньшим успехом в качестве условий «задачи» могла выступить предыстория проблемы высших чувствований или высших психических функций, так как и в этих проблемах, как и в проблеме установки, со всей очевидностью проявлялась необходимость коренной перестройки самого фундамента здания психологической науки. Во всех этих областях с особой остротой проявлялись симптомы кризиса, разразившегося в 1920 годах в психологии. Уроки истории науки свидетельствуют о том, что в условиях кризиса необходимы выход из круга идей в какой-то определенной замкнутой области и обращение к более общим идеям, к тем постулатам, на которых строится мышление исследователей. В качестве индикатора кризиса может выступить наличие феноменов, не укладывающихся в сложившуюся концептуальную сетку. Поскольку реальность неоднократно наблюдаемых феноменов установки не вызвала сомнения, то это могло сыграть роль толчка, побудившего исследователей приступить к поиску постулата, на котором было воздвигнуто здание атомарной интроспективной психологии. Что же представляет собой идея, обусловившая тот факт, что представитель традиционной психологии «... застывает в беспомощном состоянии перед единичными результатами эмпирических иссле-

дований до тех пор, пока не раскроются принципы, которые он сможет сделать основой для дедуктивных построений» (*Эйнштейн*, 1965, с.6).

Базовой идеей, молчаливо или явно признаваемой представителями традиционной психологии, была идея о том, что «объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность» (*Узнадзе*, 1966, с.158). Д.Н.Узнадзе назвал эту идею «постулатом непосредственности».

Если мы вспомним слова Н.Н.Ланге, сравнивающего психолога конца XIX века с Приамом, сидящим на развалинах Трои, то уместно будет напомнить и о подарке коварных греков, который троянцы на собственных руках внесли в город. Таким троянским конем – «подарком» от мышления физиков и физиологов XIX столетия мышлению психологов – и был постулат непосредственности, приведший к развалинам «психологической Трои». Принимая осознанно или неосознанно этот постулат как исходную предпосылку экспериментального исследования, психолог оставался один на один с непреодолимыми трудностями, которые были обусловлены признанием постулата непосредственности и проявлялись в ошибках «ожидания» и «привыкания», иллюзиях установки, в таинственной неуловимости установки посредством интроспекции и, наконец, в беспомощности попыток поместить установку в арсенал устоявшихся категорий традиционной психологии.

Не менее рельефно признание постулата непосредственности сказывалось и в области высших чувствований, поскольку за тезисом представителей «понимающей» психологии о принципиальной невозможности причинного объяснения высших форм чувствования стояло все то же молчаливое признание механической причинности. «Описательная психология целиком и полностью принимает основную идею объяснительной психологии, заключающуюся в том, что причинное объяснение не может быть ничем иным, кроме механического сведения сложных и высших процессов к атомистически разрозненным элементам душевной жизни», – писал Л.С.Выготский (1970, с.125).

Признание схемы механистического детерминизма – постулата непосредственности – определило то, что представители традиционной психологии, ориентированные в своих исследованиях на переживания отдельного индивида, резко обособили сферу психической реальности от действительности и оказались в замкнутом круге сознания. Только пересмотр самого фундамента психологии мог устранить препятствия, которые встали на ее пути, а такой пересмотр возможен лишь при выходе за сферу эмпирических фактов и специальных частных проблем типа проблемы установки или высших чувствований и обращения к методологическому анализу оснований психологической науки.

Этот шаг был сделан Д.Н.Узнадзе, который, проделав методологический анализ фундамента атомарной интроспективной психологии, выделил постулат непосредственности, являющийся исходной предпосылкой всей традиционной психологии. Искусственность конструкций, вынуждающих мысль исследователя двигаться в замкнутом круге сознания, неадекватность рассмотрения психики, обусловленная принятием постулата непосредственности, привели Д.Н.Узнадзе к постановке задачи о необходимости преодоления этого постулата, к идее о невозможности анализа сознания изнутри и, следовательно, к поиску такого посредующего двучленную схему анализа звена, которое само бы *не принадлежало к категории явлений сознания*. В процессе решения этой задачи была создана теория установки.

Быть может, некоторые другие идеи Д.Н.Узнадзе подвергнутся пересмотру, ибо это нормальная судьба всех живых теорий, но анализ постулата непосредственности и его роковых для психологии последствий, венчающая этот анализ идея опосредования двучленной схемы анализа через «подпсихическое» останутся непреходящей ценностью психологической науки, ее фундаментальной идеей.

В поисках «опосредующего» звена

Постановка задачи о необходимости преодоления «постулата непосредственности» определила весь дальнейший ход развития мысли Д.Н.Узнадзе. Примерно с 1910 г. он начинает поиски «опосредующего» звена, захватывающая картина которых открывается перед нами благодаря работам А.Е.Шерозия (*Шерозия*, 1969, 1973). В ходе этих поисков постепенно формируется понятие, которое в начале 1920 годов укрепляется в отечественной психологии под термином «установка».

Поиски «опосредующего» звена – среднего члена между физическим и психическим миром – вплоть до середины 1920 годов шли чисто в философском плане. Усилия Д.Н.Узнадзе были направлены на построение представлений о субстанции, порождающей психические явления и расположенной вне замкнутого круга сознания. Для дальнейшего понимания всего хода идей Д.Н.Узнадзе крайне важно осознать то, что логическое конструирование понятия, предназначенного для преодоления постулата непосредственности, постоянно опережало попытки подыскать «нечто», соответствующее этому понятию в реальном мире. Сначала были сформулированы признаки, которыми с точки зрения Д.Н.Узнадзе должна была обладать искомая субстанция. Попробуем, ориентируясь на исследование А.Е.Шерозия, перечислить эти признаки.

1. Эта субстанция должна быть «посредником» и «принципом связи» как между физическим и психическим, так и между двумя психическими рядами. Только при этом условии она может быть предложена для преодоления постулата непосредственности.

2. Она должна быть не исключительно психическим, но и не исключительно физическим или физиологическим явлением. Подобный признак вводится потому, что введение чисто физического или психического звена не снимает постулата непосредственности.

3. В этой субстанции как в единстве должны быть представлены оба вида детерминации: физическая и психическая. Она должна быть чувствительной как к влияниям со стороны субъекта, так и со стороны объекта.

4. Она должна быть таким «переводчиком» событий, происходящих во внешнем мире, в психические явления, который сохранял бы адекватность физических воздействий.

5. Ее отличительным признаком должна быть целостность, неразложимость на отдельные элементы.

6. Через нее должно осуществляться воздействие на субъективные психические явления. Психические же явления, в свою очередь, могут только через нее оказывать влияние на физический мир.

7. Эта субстанция – необходимое условие поддержания жизни субъекта.

8. Она должна *предшествовать* психическим сознательным процессам и существовать до появления сознательной психики, так как сама сознательная психика необходимо развивается из этой субстанции.

Таков перечень признаков, которыми должна обладать «опосредующая» субстанция. Введение такой субстанции даст, по мнению Д.Н.Узнадзе, возможность преодолеть постулат непосредственности в любой его форме, будь то принцип «замкнутой каузальности природы» В.Вундта, гласящий, как известно, что психические следствия имеют в своей основе только психические причины, или принцип «психофизического взаимодействия» Г.Фехнера.

В развитии идеи Д.Н.Узнадзе об опосредующем звене можно вычленить два периода: период разработки представлений о «нейтральном состоянии сознания» и период разработки представлений об общей унитарной первичной установке.

Первым концептом, призванным выполнить функции «среднего» звена, было «нейтральное состояние сознания». Д.Н.Узнадзе постоянно пытался найти в действительности фено-

мен, отвечающий сформулированным выше признакам «опосредующей» субстанции – прообраз первичной общей установки. В этом феномене субъективное и объективное, сливаясь, должны как бы гасить друг друга.

В поисках этого феномена Д.Н.Узнадзе останавливается на таком состоянии сознания, в котором как бы исчезает индивидуальность субъекта и которое было бы лучше всего охарактеризовать как «надындивидуальное видение мира»³. Д.Н.Узнадзе, обращаясь к самонаблюдению, дает описание этого феномена: «Вспомните такой момент, когда перед сном ваши чувства и думы, меняясь, теряют определенность и индивидуальность, но при этом с какой-то механической силой сохраняют все же свое различие» (Узнадзе, 1910 – цит. по Шерозия, 1969, с.241). Легко увидеть, что за подобными поисками отчетливо проступает количественная концепция сознания Ледда, и описываемое Д.Н.Узнадзе нейтральное состояние сознания – это не что иное, как «минимум» сознания, не имеющий принципиальных качественных отличий от других состояний сознания. Следовательно, понятие нейтрального состояния сознания не может быть использовано в качестве «среднего термина» для преодоления постулата непосредственности.

Более чем через десять лет, в 1923 г., Д.Н.Узнадзе были сделаны первые наброски теории установки в исследовании под названием «Impersonalia». В этом исследовании Д.Н.Узнадзе решительно отмежевывается от существующего в то время и лишено положительных характеристик понятия «бессознательное» и выдвигает идею о субстанции, расположенной вне круга сознания – о «подпсихическом».

Под подпсихическим он понимает некоторое пограничное состояние, которое «...является все еще неведомой сферой, для которого совершенно чужды полюсы субъективного и объективного...». И далее: «Мы вынуждены признать, что влияние объективного на живое существо в этой подпсихической сфере вызывает соответствующее себе “изменение”, являющееся адекватным выражением объективного, поскольку, оно лишено субъективной природы. Но так как оно лишено и объективной природы, то в нашем сознании переводится на “язык” психики в виде психических процессов и, следовательно, становится основой этих синтезов» (Узнадзе, 1923 – цит. по Шерозия, 1969, с.161). Функция этой неведомой сферы проявляется и в том, что «...интенция к объекту, заложенная в переживании всякого восприятия, возможно *опирается только на эту неведомую подпсихическую сферу*» ([курсив мой. – А.А.]; Узнадзе, 1923 – цит. по Шерозия, 1969, с.355). Неведомая подпсихическая сфера – область абстракции, лишенная конкретного психологического наполнения. Это остро чувствует сам Д.Н.Узнадзе и в дальнейшем непрерывно пытается найти конкретную почву для этой неведомой субстанции. Он предпринимает шаги в этом направлении, вводя понятия «ситуации» и «биосферы».

При разработке гипотезы «ситуации», поясняющей содержание подпсихического, неведомая сфера начинает приобретать конкретные психологические черты. Прежде всего, чтобы не возникло недоразумений, Д.Н.Узнадзе проводит резкое разграничение между «ситуацией» и внешней действительностью. В понимании Д.Н.Узнадзе ситуация – это не чисто внешний раздражитель или комплекс раздражителей, т. е. не объективное обстоятельство. С его точки зрения объективное обстоятельство лишь тогда может стать причиной поведения живого существа, когда оно отвечает сиюминутному состоянию, «расположению» этого существа. Тем самым Д.Н.Узнадзе вводит внутреннюю детерминацию в форме сиюминутного состояния, «расположения» или потребности субъекта, обогащая двучленную схему анализа, за которой

³ Яркое описание подобного «нейтрального состояния сознания» мы встречаем у М.Пруста. «Стоило мне заснуть в моей постели глубоким сном, во время которого для моего сознания наступал полный отдых, – и сознание теряло представление о плане комнаты, в которой я уснул: проснувшись ночью, я не мог понять, где я, в первую секунду я даже не мог сообразить, кто я такой; меня не покидало лишь первобытно простое ощущение того, что я существую, – подобное ощущение может биться и в груди у животного; я был беднее пещерного человека; но тут, словно помощь свыше, ко мне приходило воспоминание...» (Пруст М. По направлению к Свану. М., 1973, с.35–36).

скрывается «постулат непосредственности». Он замечает, что в зависимости от потребности меняется и ситуация – единство этой потребности и соответствующего ей внешнего раздражителя (Узнадзе, 1925). Но как потребность и соответствующий ей раздражитель, субъективное и объективное, могут выступить в единстве? Каким образом происходит превращение внешнего агента в ситуацию? Относится ли ситуация к числу психических моментов? Откуда берется интенция к объекту, опирающаяся на неведомую подпсихическую сферу? Все эти вопросы повисают в воздухе. И тут Д.Н.Узнадзе прибегает к понятию «биосфера», которое он отождествляет с «принципом жизни» или «жизнедеятельностью» (Шерозия, 1969). Понятие «биосфера» фиксирует несколько моментов. Первый заключается в том, что подпсихическое – это ни в коей мере не психическая, но и не чисто физическая реальность. Второй момент подчеркивает то, что подпсихическое представляет собой необходимую ступень развития, предшествующую сознательной психике. И третий момент олицетворяет интерес создателя теории установки к вопросу о связи между «жизнедеятельностью», «принципом жизни» и «ситуацией». Д.Н.Узнадзе отмечает: «Если в основе целесообразности лежит только *расположение объединенного в одно целое объективного и субъективного*, то выходит, что оно и есть *принцип жизни*. Поэтому, думаем, мы в полном праве признать, что в его лице мы имеем дело с до сих пор *неведомой сферой действительности*, которую можно назвать биосферой. Все то, что подразумевается под названием “*ситуации*” или *объединенного в одно целое расположения*, надо думать, есть вызванное в биосфере положение. Неудивительно поэтому, что *задача разрешается прежде, чем живое существо осуществит ее в виде разных действий*. Неудивительно и то, что наглядное поведение живого существа должно происходить под руководством биосферы...» (Узнадзе, 1925 – цит. по Шерозия, 1969, с.261). Приведенный выше отрывок из работы Д.Н.Узнадзе не оставляет сомнений в том, что «состояние ситуации», в котором вставшая перед субъектом задача дана как одно целое расположение, признается фактором, лежащим в основе целесообразности и соответственно направленности поведения. Несомненно и другое: задача, представленная в ситуации и содержащая в перспективе поступки живого существа, отождествляется с жизнедеятельностью. Но ситуация, которая на следующем этапе развития теории Д.Н.Узнадзе превратится в «установку», получив еще более конкретное выражение, есть фактор и условие жизнедеятельности, но никак не сама жизнедеятельность!

В дальнейшем Д.Н.Узнадзе никогда больше не возвращался к феномену «биосферы», к «биосферному» варианту преодоления постулата непосредственности. Однако именно на этом этапе развития представлений об установке впервые пересеклись категории деятельности и установки, и категория установки, если так можно выразиться, «поглотила» категорию деятельности. К последствиям этого события нам еще неоднократно предстоит вернуться.

Анализ понятия «ситуация» в теории Д.Н.Узнадзе показывает, что этим понятием обозначена вставшая перед субъектом, но не данная ему в сознании задача. Эта задача уже решена в том смысле, что она в потенции содержит свое решение и тем самым является основой свободного выбора дальнейших поступков и реакций живого существа, основой целенаправленного избирательного поведения. «Все, к чему сознание стремится, все, что оно в конце концов нам дает, по существу уже представлено в подпсихическом. Разница только в том, что там оно представлено *in nuce*...» (Узнадзе, 1925 – цит. по Шерозия, 1969, с.261). В 1920 годы мысль о том, что то, к чему сознание стремится, т. е. цель действия, представлена до наступления этого действия в подпсихическом, причина позднее следствия, могла показаться кощунственной и противоречащей материалистическому пониманию психики. Однако в наше время после появления работ Н.Винера, Н.А.Бернштейна и П.К.Анохина представления о цели как ключевом моменте регулирования, определяющем относительную устойчивость и направленность поведения в непрерывно меняющемся потоке воздействий различных раздражителей на организм, прочно заняли свое место в науке о поведении. В связи с этим есть все основания назвать Д.Н.Узнадзе одним из предвестников этих представлений в психологии.

В поисках «опосредующего звена» формируются представления об установке. Весь ход этих поисков, а также «задача» Узнадзе позволяют сделать следующие заключения: постановка задачи о преодолении постулата непосредственности и рассмотрение различных способов ее решения в исследованиях Д.Н.Узнадзе, предшествовавших экспериментальному анализу установки, позволяют резко противопоставить в методологическом плане концепцию Д.Н.Узнадзе всем вариантам понимания установки, существующим в психологии. В этом плане попытки вычертить прямую линию развития проблемы установки, скажем, от психофизической теории установки К.Марбе, детерминирующей тенденции Н.Аха, когнитивного ожидания Э.Толмена или установки Д.Хебба до теории установки Д.Н.Узнадзе (Колбановский, 1955; Бжалава, 1966) являются неоправданными в принципе. Ограниченность подобных попыток состоит прежде всего в том, что содержание опосредующей субстанции, фиксируемой Д.Н.Узнадзе в 1920 годы термином «установка», не имеет ничего общего с содержанием, стоящим за этим термином, например, у К.Марбе, относящего установку к субъективным явлениям. В отличие же от Э.Толмена и Д.Хебба, направляющих свои усилия на анализ «центрального процесса» (установки, когнитивного ожидания и т. д.) – промежуточной переменной и пытающихся, по выражению У.Рейтмана, «выманить зверя из укрытия» (Рейтман, 1968), Д.Н.Узнадзе уже самой постановкой «задачи» и формулировкой признаков «опосредующей» субстанции показывает, что попытки искать этого «зверя» внутри замкнутого круга сознания или в физиологических механизмах мозга обречены на неудачу, так как постулат непосредственности не может быть преодолен изнутри.

Д.Н.Узнадзе и ведущие представители теории деятельности (см., например, *Выготский*, 1960; *Леонтьев А.Н.*, 1975) решали общую задачу – задачу преодоления постулата непосредственности и вытекающей из него двучленной схемы анализа психических процессов: воздействие объекта – изменение текущих состояний субъекта. В одном случае в качестве среднего звена – субстанции, порождающей психические явления, – предлагается «подпсихическое» – первичная установка, в другом – предметная деятельность. Общность задачи, а также признаков опосредующей субстанции дают право на сопоставление этих вариантов ее решения.

В том случае, если понятие первичной установки наделяется признаками опосредующей субстанции, оно альтернативно категории деятельности, т. е. Д.Н.Узнадзе и А.Н.Леонтьев предлагают прямо противоположные варианты решения задачи о преодолении постулата непосредственности.

В ходе поисков «опосредующей» субстанций возникает разрыв между абстрактным содержанием, вкладываемым Д.Н.Узнадзе в понятие «установка», и конкретно-психологическим наполнением этого понятия. Вследствие этого в понятие «первичная установка» вкладываются два относительно самостоятельных значения: некоторое абстрактное содержание, которым должно обладать это понятие, чтобы выполнить функцию «опосредующего» звена, и конкретно-психологическое содержание первичной установки как фактора целенаправленной деятельности. Разрыв между абстрактным и конкретно-психологическим содержанием понятия «первичная установка» по мере экспериментальной разработки самой теории установки все углубляется и приводит к ряду парадоксов, которые, как будет показано далее, могут быть преодолены лишь ценой отказа от понимания первичной установки как опосредующего звена.

Некоторые парадоксы проблемы первичной установки

Вопрос о «первичности» установки, установочного отражения до сих пор остается дискуссионным, так как он является камнем преткновения на пути разрешения проблемы отношений между установкой и деятельностью. Дискуссия о «первичности» установки – это, по существу, дискуссия о категории, лежащей в основе психических явлений. С нашей точки зрения

обсуждение альтернативы «первичная установка» или «деятельность», прозвучавшей во всех выступлениях на совещании по проблеме установки в 1955 г. и в несколько более смягченных формах продолжающей звучать и по сей день, выиграет, если будет переведено на почву исторического анализа содержания понятия «первичная установка».

В 1941 г. в исследовании «Основные положения теории установки» Д.Н.Узнадзе дает определение первичной установки. Он пишет, что установка – это «...своего рода целостное отражение, на почве которого может возникнуть или созерцательное, или действенное отражение. Оно заключается в своеобразном налаживании, настройке субъекта, его готовности... к тому, чтобы в нем проявились именно те психические или моторные акты, которые обеспечат адекватное ситуации созерцательное или действенное отражение. Оно является, так сказать, “установочным отражением”. Содержание психики субъекта и вообще всего его поведения следует признать реализацией этой установки и, следовательно, вторичным явлением» (цит. по Бжалава, 1966). Это определение, будучи взято само по себе, оставляет возможность для свободы интерпретации. Какой смысл, например, вкладывает Д.Н.Узнадзе в термин «психическое», которое всегда вторично по отношению к установке? Что он имеет в виду, говоря о первичности установки? Чтобы ответить на эти вопросы и устранить излишние степени свободы в интерпретации этого определения, достаточно восстановить исторический контекст. Д.Н.Узнадзе, анализируя представления традиционной психологии, неоднократно подчеркивал, что ее представители отождествляли сознание и психику. В сознании современного психолога мысль о том, что психика не сводится к сознанию, укрепилась столь прочно, что он автоматически подставляет иной смысл в термин «психическое» в определении Д.Н.Узнадзе, забывая порой, что в начале века такое понимание вовсе не относилось к классу банальных. Тогда «...для большинства философски образованных людей идея психического, которое одновременно не было бы сознательным, до такой степени непонятна, что представляется им абсурдной и несовместимой с простой логикой» (Фрейд, 1925, с.5). Правда, Д.Н.Узнадзе упоминает о существовании направления, которое обращается к проблеме бессознательного – о психоанализе З.Фрейда. Но, по справедливому мнению Узнадзе, концепция Фрейда ни в коей мере не меняет действительного положения вещей в картине представлений традиционной психологии, поскольку «бессознательное» у Фрейда – это негативно определенное сознательное. И только. Рационализовав таким способом «бессознательное» в психоаналитической теории, Узнадзе устраняет любые возражения против своего тезиса, согласно которому в традиционной психологии «...все психическое сознательно, и то, что сознательно, является по необходимости и психическим» (Узнадзе, 1966). Все это наталкивает на мысль, что, по-видимому, говоря о первичности установки по отношению к психике, Д.Н.Узнадзе подразумевал психику в смысле традиционной психологии, т. е. психику как явление сознания. Более того, в своих ранних работах он неоднократно акцентировал внимание на том, что признак сознания является основным признаком психического: «...какое мы имеем право называть психическим нечто такое, что совершенно лишено основного качества психического – сознания» (1925; цит. по Бочоршвили, 1966, с.153). «Первичность» установки и мыслилась Д.Н.Узнадзе как прямая противоположность первичной данности явлений сознания, которые считались основными и единственными объектами изучения в традиционной психологии. В этом и вся методологическая нагрузка «первичности» установки в исследованиях Д.Н.Узнадзе, стоящего не перед альтернативой «установка или деятельность», а перед другим исторически совершенно оправданным вопросом: либо первичность, непосредственная данность субъективных переживаний и, как следствие признания этой «первичности» единственным объектом исследования, бесконечные странствия внутри круга сознания; либо попытка прорвать обычные границы психики и «...констатировать наличие чего-нибудь *принципиально отличного* [курсив мой. – А.А.] от всего того, что традиционно было установлено в ней» (Узнадзе, 1961, с.170). Таким образом, «первичность» в смысле Д.Н.Узнадзе и следует понимать как оппозиционное понятие по отно-

шению к «первичности» в смысле непосредственной данности явлений сознания. При таком содержании «первичности» становится понятной та страстность, с которой Д.Н.Узнадзе настаивал на положении о «первичности» и бессознательности установки. Ведь если бы установка была вторична по отношению к психическому, то ее введение ничего бы не дало для решения задачи преодоления постулата непосредственности. До этого момента анализировался лишь один из аспектов понятия «первичная установка», а именно то содержание, которому должно удовлетворять это понятие, чтобы выступить в функции «среднего термина». Из сказанного выше вытекает, что под «первичностью» в теории установки Д.Н.Узнадзе прежде всего имеется в виду «первичность» по отношению к сознательной психике.

Если же мы тем не менее вслед за некоторыми авторами предположим (см., например, *Бжалава*, 1971), что установка первична по отношению к любым формам поведения вообще, появляется до поведения и, следовательно, любые уровни деятельности являются производными от установки, ее реализацией, то при переходе к конкретно-психологическому содержанию понятия установки как тенденции, готовности к определенному действию столкнемся с серьезными трудностями.

Во-первых, признание примата установки над деятельностью не только в функциональном, но и в генетическом аспекте приводит к нивелированию всякого отличия установки от «либидо» З.Фрейда, «стремления к власти» А.Адлера или тенденции, влечения иррационалистической философии, согласно которой человеческая деятельность и есть лишь реализация некоей человеческой «самости». «Мы знаем об этой “самости” лишь... по тем следам, которые она оставляет в реальных эмпирических поступках человека. Теоретически ее можно представить как тенденцию к чему-то, возможность чего-то. Практически же она существует только в своих символических облачениях – в действиях и поступках человека» (*Кузьмина*, 1969, с.288). Признание установки первичной в этом смысле означало бы сведение ее исключительно к внутренней детерминации и противоречило бы аксиоматическим положениям Д.Н.Узнадзе о необходимости для возникновения установки ситуации удовлетворения потребности и об установке как единстве двух видов детерминации. И не случайно Д.Н.Узнадзе, словно предвидя попытки неоправданного сближения его теории установки с некоторыми идеалистическими концепциями (*Колбановский*, 1955; *Рудик*, 1955), парирует их: «...Установка является соответствующей объективному положению вещей модификацией живого существа, отражением в нем как в целом объективного положения вещей. Для понятия же установки именно это и имеет существенное значение, и без этого указанное понятие не имело бы никакой ценности для психологии» (1940; цит. по *Шерозия*, 1969, с.191). Эта мысль Д.Н.Узнадзе заставляет усомниться в приписываемом установке примате над деятельностью и превращении ее в некоторую внутреннюю силу, напор, импульс, порождающий деятельность.

Во-вторых, при таком понимании «первичности» установки исследователь, решая вопрос об отношениях между восприятием и установкой, неминуемо попадает в заколдованный круг.

Парадокс состоит в следующем: необходимыми условиями возникновения установки являются потребность и ситуация удовлетворения потребности. Ситуация удовлетворения потребности только в том случае выступает как условие возникновения установки, если она воспринята субъектом, но любой акт восприятия, согласно теории Д.Н.Узнадзе, предполагает существование установки. Иными словами, для того чтобы возникла установка, должна быть отражена ситуация удовлетворения потребности, но ситуация не может быть отражена без установки.

Рассмотрим несколько попыток преодоления этого парадокса. Первая попытка – это попросту откровенный отказ от решения вопроса об отношениях между восприятием и установкой, выступивший, по мнению Ф.В.Бассина, в исследовании Д.Миллера, Ю.Галантера и К.Прибрама, в форме вопроса об отношении между Планами и поведением (*Бассин*, 1966). Упомянутые авторы отделяются от решения этого вопроса изящным замечанием: «Наше

отношение к вопросу, откуда берутся Планы, напоминает отношение бостонских дам к своим шляпам: «Моя дорогая, мы не получаем наши шляпы, у нас они есть!» (Миллер, Галантер, Прибрам, 1966, с.194). Подобная нейтральность к проблеме взаимоотношения между планом и поведением не проходит даром. Она не замедляет проявиться в том, что для объяснения иерархии компонентов деятельности авторы ссылаются на иерархию Т – О—Т – Е⁴. «Операциональные компоненты схемы Т – О—Т – Е сами могут быть элементами этой схемы. Иначе говоря, схема Т – О—Т – Е включает как стратегические, так и тактические элементы поведения. Таким образом, операциональная фаза системы Т – О—Т – Е более высокого порядка может сама состоять из цепи других подобных же систем, а каждая из последних, в свою очередь, может содержать ряды таких же подчиненных единиц и т. д.» (Там же, с.48). Такого рода объяснение иерархической структуры поведения через иерархическую систему Т – О—Т – Е представляет, по справедливому замечанию Ф.В.Бассина, логическое соскальзывание, очень напоминающее ошибку типа *petitio principii*: «Если фактом, который подлежит объяснению, является иерархическая структура поведения, а каждый из компонентов этой структуры организован по схеме ТОТЕ, то разве не очевидно, что существование иерархии ТОТЕ заранее предreshается объясняемым фактом и что оно поэтому является лишь оборотной стороной этого факта, его отражением, следствием, но никак не может служить его объяснением!» (1966, с.10). Но дело не исчерпывается только одной этой логической ошибкой. Попытка объяснить иерархию деятельности через иерархию лежащих в ее основе регуляционных механизмов вступает в противоречие с ходом развития регуляционных механизмов и поведения в филогенезе, поскольку поведение постоянно опережает в филогенезе формирование этих механизмов. Так, например, Н.А.Бернштейн, анализируя филогенез движений, обрисовывает те отношения, которые складываются в ходе филогенеза между центральными замыкательными системами и эффекторикой. Тщательно прослеживая эволюцию движения, он показывает, что исторически центральные замыкательные системы служили «подсобными для подсобных» и руководящая роль досталась им сравнительно недавно. В эволюции организм, вынужденный постоянно решать все новые классы задач, возникающие в изменяющейся среде, развивает свою эффекторику, и когда старый уровень управления оказывается не в силах справиться с эволюционирующим эффекторным аппаратом, происходит качественный скачок, рождается новый уровень управления движениями (Бернштейн, 1947). Следовательно, в филогенезе мы видим нечто противоположное тому, что предлагают Д.Миллер, Ю.Галантер и К.Прибрам: не иерархия регулирующих механизмов задает иерархию деятельности, а, наоборот, в филогенезе деятельность «строит для себя» иерархический аппарат управления. Тут мы должны оговориться во избежание возможных недоразумений. При исследовании вопроса об отношениях между деятельностью и установкой всегда необходимо четко различать два аспекта рассмотрения: *генетический и функциональный*. Сказанное выше целиком и полностью относится к генетическому аспекту рассмотрения, но отсюда ни в коем случае не вытекает, что и в функциональном аспекте наблюдается аналогичная картина взаимоотношений между установкой и деятельностью. Напротив, в функциональном аспекте установка, сформировавшаяся в предшествующей деятельности, может вести деятельность и определять ее устойчивость.

Вторая попытка преодоления парадокса принадлежит Ш.Н.Чхартишвили. Для выхода из создавшегося в теории установки затруднительного положения он обращается к теории отражения. Если рассмотреть живое существо только как вещь, как физический предмет, то оно, как и любой физический предмет, отражает воздействия из внешней среды. В виде физического отражения, присущего всем уровням организации материи, в установку и входит объективный фактор – ситуация удовлетворения потребности, – оставляя след в организме наряду с

⁴ Т – О—Т – Е – система «test – operation – test – exit» («проба – операция – проба – результат»), предложенная Д.Миллером, Ю.Галантером и К.Прибрамом в качестве единицы анализа поведения.

другими физическими воздействиями. При появлении в организме потребности он становится чувствительным именно по отношению к тем физическим воздействиям, которые связаны с этой потребностью. «Когда в динамическое состояние живого существа, созданное определенной потребностью, попадает физическое отражение того предмета или той ситуации, которые могут удовлетворить эту потребность, то тогда оно, так сказать, “оживает”, теряет характер простого физического отражения и вместе с потребностью переходит в состояние установки, восходит, возвышается до установочного состояния» (Чхартшвили, 1971, с.147). Ш.Н.Чхартшвили приходит к выводу, что материальным базисом установочного отражения везде и всюду является физическое отражение и, следовательно, нет надобности для допущения какого бы то ни было восприятия, предшествовавшего возникновению установки. Положение о том, что в основе установочного отражения лежит физическое отражение, представляется правильным, но... и оно не дает выхода из парадоксальной ситуации, поскольку физическое отражение в снятом виде содержится во всех уровнях отражения. Бесспорно, что оно является, в том числе, и базисом установочного отражения. Однако из этого бесспорного положения никак не следует, что указанная выше особенность установочного отражения по отношению к физическому есть особенность, специфичная именно для установочного отражения.

И, наконец, третья попытка выхода из заколдованного круга взаимоотношений между восприятием и установкой. Ее автор – Д.Н.Узнадзе. Для того чтобы выйти из парадоксальной ситуации, Д.Н.Узнадзе вводит третий фактор возникновения первичной установки, помимо двух основных: потребности и ситуации удовлетворения потребности. «Мы должны признать, – пишет Д.Н.Узнадзе, – что в случаях актуальности какой-нибудь потребности и наличия объекта как условия ее удовлетворения субъект в первую очередь, должен заметить, должен “воспринять” этот объект, чтобы затем, получив установку, быть в состоянии обратиться к соответствующим актам деятельности, рассчитанной на удовлетворение потребности. Словом, получается, что “восприятие” объектов, касающихся поведения, возникает раньше, чем установка на это поведение» (Узнадзе, 1961, с.172). Таким образом, третьим фактором возникновения первичной установки является «особое восприятие», которое Д.Н.Узнадзе, чтобы отличить его от восприятия, направляемого установкой, называет *замечанием*. По мнению Д.Н.Узнадзе, существуют три ступени развития восприятия: ступень замечания, ступень восприятия и ступень объективации, присущая исключительно человеку. Ступень замечания – самая примитивная ступень восприятия, представляющая по своему содержанию раздражение не субъекта как целого, а лишь его чувственных органов. Но вопрос в данном случае не столько в том, что конкретно Д.Н.Узнадзе понимал под «замечанием». Суть дела прежде всего заключается в том, что возникновению первичной установки всегда должна предшествовать какая-то, пусть самая примитивная, но *работа* – говоря словами А.Н.Леонтьева, *работа* всегда должна быть (1965, с.29).

Таким образом, Д.Н.Узнадзе находит выход из создавшегося парадоксального положения в отношениях между установкой и восприятием. Он допускает существование некоторой предварительной активности, некоторой работы, предшествующей возникновению первичной установки. Подобное допущение, введенное Д.Н.Узнадзе, имеет принципиальное значение, поскольку доказывает, что сам создатель теории установки не исключал возможности существования активности, предшествовавшей возникновению первичной установки.

Итак, мы можем сделать следующие выводы.

– При исследовании первичной установки следует различать два плана анализа этого понятия: методологический и онтологический. При рассмотрении первичной установки в методологическом плане в поле зрения попадают те свойства первичной установки, которыми она наделяется, чтобы выступить в качестве опосредующего звена, необходимого для разрешения задачи преодоления постулата непосредственности. Говоря об онтологическом плане

рассмотрения, мы имеем в виду те реальные признаки, которыми обладает явление, названное первичной установкой.

– В методологическом плане «первичность» установки в момент возникновения этого понятия означала прежде всего «первичность» по отношению к психике, отождествляемой в традиционной психологии с сознанием. Лишь в более поздний период в понимание «первичности» установки был вложен иной смысл: «первичность» по отношению к деятельности. Такой перенос не является случайным, а закономерно вытекает из абстрактного понимания первичной установки как опосредующей субстанции.

– Подчеркивание Д.Н.Узнадзе принципиальной бессознательности установки было обусловлено задачей преодоления постулата непосредственности. Принципиальная бессознательность как характеристика установки в системе Д.Н.Узнадзе – это не что иное, как иносказание требования выйти за пределы замкнутого круга сознания.

– В онтологическом плане попытки считать установку первичной по отношению к деятельности приводят к парадоксам, подобным разобранным выше парадоксу, возникающему между установкой и восприятием: установка возникает до любой деятельности, в том числе и до восприятия, но для возникновения установки необходимо восприятие ситуации удовлетворения потребности. В поисках выхода из заколдованного круга «установка – восприятие» Д.Н.Узнадзе оказывается вынужденным допустить наличие некоторой активности, «предварительного замечания», и тем самым деятельности, предшествующей возникновению установки. Но это допущение, углубляющее представления о реальных условиях возникновения готовности к определенным образом направленной деятельности, рассогласуется с пониманием установки как опосредующей субстанции.

– Допущение активности, «предварительного замечания», в качестве третьего фактора возникновения установки приводит к введению деятельности в схему возникновения установки, но деятельности только как одного из условий, рядоположенного с двумя другими условиями – потребностью и ситуацией удовлетворения потребности.

Онтологический статус первичной установки

Вопрос о том, какое реальное психологическое явление стоит за понятием «первичная установка», нуждается в специальном анализе, так как конкретно-психологическое содержание первичной установки завуалировано абстрактным содержанием этого понятия. Некоторые авторы, имея в виду абстрактное содержание понятия «первичная установка», склонны полагать, что оно вообще не поддается непосредственному экспериментальному исследованию. Так, например, А.Е.Шерозия, совершенно справедливо отмечая, что через понятие первичной установки проходит линия водораздела между исследованиями установки в школе Д.Н.Узнадзе и в зарубежной психологии, отстаивает точку зрения о принципиальной невозможности прямого экспериментального изучения первичной установки. По мнению А.Е.Шерозии (1969, 1973), о свойствах первичной установки, являющейся объяснительным принципом психологической науки, возможно судить лишь опосредованно, через данные, полученные при изучении вторичной фиксированной установки. *Так что же такое первичная установка – универсальный абстрактный принцип, неведомая подпсихическая сфера или же конкретно-психологическое явление, играющее вполне определенную роль в деятельности субъекта?* Уход от ответа на этот вопрос не только возведет альтернативу «деятельность или установка» в ранг вечных проблем, но и даст широкие возможности для превращения первичной установки то в динамический стереотип, то в информационную модель, то в акцептор действия. Отмечая факт существования подобных превращений, противоречащих представлениям о первичной установке как об опосредующей субстанции, мы вовсе не считаем их случайностью или недоразумением. Напротив, мы полагаем, что у таких авторов, как А.С.Прангишвили и И.Т.Бжалава, принима-

ющих указанные понятия в качестве синонимов установки, были на то реальные основания. Но это никак не снимает поставленных выше вопросов, а лишь заостряет их, побуждая отыскивать эти основания. И одним из неизбежных шагов на пути этих поисков является исследование конкретно-психологического содержания, вкладываемого в понятие «первичная установка».

В исследованиях Д.Н.Узнадзе встречается описание явления, стоящего за первичной установкой. Обращаясь к хорошо знакомой каждому из нас ситуации, он приводит следующий пример. «Скажем, я чувствую сильную жажду, и в этом состоянии я прохожу мимо места продажи прохладительных напитков, мимо которого, впрочем, мне приходилось проходить ежедневно по нескольку раз. На этот раз я чувствую, что вид напитков привлекает, как бы тянет меня к себе. Подчиняясь этому влечению, я останавливаюсь и заказываю себе воду, которая кажется сейчас мне наиболее привлекательной. Лишь только я удовлетворяю жажду, вода сейчас же теряет для меня привлекательную силу, и если я в таком состоянии прохожу около того места, оно остается вне моего интереса, или же бывает, что я его не замечаю вовсе» (Узнадзе, 1961, с.169).

Явление притяжения со стороны предметов, «побуждающего характера» предметов неоднократно описывалось в художественной литературе. Оно вовсе не обязательно сопровождается осознанием, как в приведенном выше примере. Иногда и потребность и сам ее предмет не выступают в сознании человека, но тем не менее властно определяют его поступки, «притягивают» человека к себе. Так, герой романа «Преступление и наказание» Раскольников, намеревающийся пойти в полицейскую контору, вдруг находит себя у того места, где им было совершено убийство старухи-ростовщицы. «В контору надо было идти все прямо и при втором повороте взять влево: она была уже в двух шагах. Но, дойдя до первого поворота, он остановился, подумал, поворотил в переулок и пошел обходом через две улицы, – может быть, без всякой цели, а может быть, чтобы хоть минуту еще потянуть и выиграть время. Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у *того* дома, у самых ворот. С *того* вечера он здесь не был и мимо не проходил. Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его» (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание). Мы видим, как какая-то непонятная сила влечет Раскольникова к месту преступления, и она, эта сила, словно действует помимо него. Два описанных случая глубоко отличны, но в них есть одна общая особенность, которая и становится центром интереса Д.Н.Узнадзе. При наличии некоторой потребности вещь, могущая удовлетворить субъекта, влечет его к себе и побуждает совершить акт, «требуемый» этой вещью и приводящий к удовлетворению потребности. Пусть в одном случае эта вещь – самый банальный стакан воды, а в другом – место преступления; пусть в одном случае состояние, вызванное потребностью и ее предметом, осознается, а в другом скрыто от человека, – все эти различия не должны укрывать общей особенности этих ситуаций. В обоих случаях специфическое состояние, возникшее у субъекта при наличии потребности и ее предмета, выражается в направленности, готовности к совершению определенного акта, отвечающего потребности, т. е. в установке.

На явление, описываемое понятием «установка», психологи не раз обращали внимание. В частности К.Левин исследовал «побуждающий характер» предметов (Aufforderungscharakter). Однако, как отмечает Д.Н.Узнадзе, это явление не было понято и использовано в науке в должной мере, несмотря на то, что оно имеет первостепенное значение для понимания поведения. В исследовании этого явления Д.Н.Узнадзе видит основную проблему психологии: «...Анализ психической деятельности должен начинаться в первую очередь с изучения модификации активного субъекта как целого, с изучения его установки» (1961, с.171).

Последуем за Д.Н.Узнадзе и попытаемся разобраться, как возникает установка, какую роль она играет в психической деятельности. При этом постоянно будем иметь в виду не абстрактное содержание первичной установки как неведомой подпсихической сферы, посред-

дующей психические и физические явления, а тот конкретный феномен готовности, вызываемой потребностью, нашедшей свой предмет, который только что был описан. Вопрос о возникновении первичной установки, в свою очередь, разбивается на два более частных вопроса: о связи потребности и установки и о связи установки с ситуацией удовлетворения потребности.

Рассмотрим вопрос о связи потребности и установки. Потребность определяется Д.Н.Узнадзе (1966) как психофизическое состояние организма, выражающее нужду в чем-то, лежащем вне его. Если бы у организма не возникало потребностей, то он бы оставался недвижим. Потребность дает импульсы к активности, вносит в установку тенденцию перехода к активности, тем самым обуславливая одну из основных особенностей первичной установки – ее *динамичность*.

При самой разнообразной трактовке потребностей в психологии динамическая, побуждающая функция потребностей является общепризнанной. Д.Н.Узнадзе, описывая вклад потребности в возникновение установки, отмечает: «Среда сама по себе не дает субъекту никакого стимула действия, если он совершенно лишен потребности, удовлетворение которой стало бы возможно в условиях этой среды. Среда превращается в ситуацию того или иного нашего действия лишь сообразно тому, какой мы обладаем потребностью, устанавливая с ней взаимоотношения» (1940, с.74 – цит. по Шерозия, 1973). Взаимоотношения со средой, в ходе которых происходит превращение этой среды в ситуацию удовлетворения потребности, осуществляются в процессе активности, побуждаемой потребностью. Эта активность понимается Д.Н.Узнадзе не только как прием, гарантирующий организму средства удовлетворения потребности, но и как источник, благодаря которому появляется возможность непосредственного удовлетворения потребности. До тех пор, пока в среде не найдены средства удовлетворения потребности, потребность «неиндивидуализирована», не наполнена, у субъекта нет установки. А это значит, что первично субъект никогда не подступает к действительности с уже готовой, сложившейся установкой! «Установка возникает у него в самом процессе воздействия этой действительности и дает возможность переживать и осуществлять поведение соответственно ей» (Узнадзе, 1940, с.74 – цит. по Шерозия, 1973). Допустим, что субъект впервые в своей жизни испытывает какую-либо потребность, и у него нет возможности опереться на прошлый опыт. Первое, что он должен предпринять, – это начать поиск тех средств, которые бы позволили ему удовлетворить потребность. Пока не найдены эти средства, пока среда не превратилась в ситуацию удовлетворения потребности, нет никаких оснований говорить о наличии у субъекта установки. Мы особо акцентируем внимание на этих положениях, чтобы оттенить кардинальный и, к сожалению, часто забываемый факт: до того, как в процессе активности не будут найдены средства удовлетворения потребности, до поведения установки не возникает! Мысль Д.Н.Узнадзе об активности – источнике средств удовлетворения потребности, – будучи доведена до своего логического завершения, принимает следующую форму: активность – источник возникновения установки. Активность и есть та субстанция, в которой происходит «встреча» субъективного и объективного видов детерминации, потребности и ситуации ее удовлетворения и, следовательно, рождается установка.

«Установку создает не только потребность и не только объективная ситуация. Для того чтобы возникла установка, необходима встреча потребности с объективной ситуацией, содержащей условия ее удовлетворения» [курсив мой. – А.А.] (Узнадзе, 1940 – цит. по Шерозия, 1973). В современных исследованиях, в частности в искусных экспериментах этологов, тщательно изучен процесс изменения активности, происходящей после «встречи» потребности с ее предметом (Лоренц, 1970; Тинберген, 1969). До «встречи» с потребностью активность носит разлитой ненаправленный характер; после «встречи» она приобретает устойчивую направленность, которая порой, особенно у животных, стоящих на низких уровнях биологической эволюции, оборачивается инертностью.

Подобная устойчивая направленность поведения является, по мнению Н.Ю.Войтониса, первым шагом к освобождению организмов от обязательного подчинения факторам среды данного момента и составляет необходимую психологическую предпосылку биологической эволюции (Войтонис, 1949).

В теории деятельности акт встречи потребности с ее предметом рассматривается как один из самых важных моментов в становлении поведения. «В психологии потребностей нужно с самого начала исходить из следующего капитального различия: различия потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности, и потребности как того, что направляет и регулирует конкретную деятельность субъекта в предметной среде... Лишь в результате “встречи” потребности с отвечающим ей предметом она впервые становится способной направлять и регулировать деятельность.

Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный, акт опредмечивания потребности – “наполнения” ее содержанием, которое черпается из окружающего мира. Это и переводит потребность на собственно психологический уровень» (Леонтьев А.Н., 1975, с.88).

Мы считаем, что различение потребности как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того, что направляет и регулирует деятельность, нашло свое отражение в теории Д.Н.Узнадзе. Однако представление о первичной установке как об опосредующей субстанции помешало создателю теории установки с достаточной определенностью эксплицировать реально заложенное в его концепции различение потребности до «встречи» с предметом и потребности после «встречи» с предметом. Ведь в действительности Д.Н.Узнадзе показывает, что о психологическом содержании потребности может идти речь лишь тогда случае, когда она «встречается» в ходе активности со «своим» предметом и вводит особое психологическое понятие, указывающее на состояние субъекта как целого после «встречи» потребности с ее предметом, выражающее готовность к деятельности, направленной на этот предмет. Он обозначает это состояние термином «установка».

До этого момента анализировались отношения между потребностью и установкой. Далее нам следует рассмотреть вопрос о вкладе в установку ее объективного фактора – ситуации удовлетворения потребности. Однако этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой взаимоотношения поведения и установки в концепции Д.Н.Узнадзе, и поэтому он будет рассмотрен в контексте этой проблемы.

Анализ онтологического статуса понятия первичной установки привел нас к следующим выводам.

– За понятием «первичная установка» в концепции Д.Н.Узнадзе стоит конкретно-психологическое явление, известное в психологии под именем феномена «побуждающего характера» предметов.

– В процессе возникновения первичной установки можно выделить три момента: потребность (предпосылка возникновения деятельности), активность и ситуация удовлетворения потребности. Первый и третий моменты образуют некоторое единство лишь в процессе активности, которая и является основным источником возникновения установки. Отсюда следует, что первичная установка представляет собой не что иное, как момент деятельности субъекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.